

Александр КОЖЕЙКИН

ПЯТОЕ КОЛЕСО

Рассказ

Пятое колесо догорало. Умирать не хотелось ...

Умирать никому не хочется. Но почему пятое, отчего догорало и зачем умирать?

Вам непонятно? Ладно, тогда по порядку.

Начну, пожалуй, с того, что Вася Ивану сразу, как попутчик, понравился. И Иван к Васе тоже почувствовал тёплое душевное расположение. Это в долгой поездке не последнее дело, и дорога кажется короче, когда поговоришь о том, о сём, сам поделишься мыслями и внимательно выслушаешь собеседника. Сначала побеседуешь о деле, о погоде, о хоккее или футболе, а потом и по душам можно поговорить. Важно, чтобы человек попался хороший. Тем более, когда такая ответственная поездка - под самый Новый Год.

Кстати, Иван не особо расстроился, когда начальник отдела снабжения за пять минут до конца рабочего дня пригласил в кабинет и, заискивающе глядя в глаза, вздохнул:

– На тебя, Вань, одна надежда ... Семёныч, как всегда, с радикулитом. Денис на сессии, остальные снабженцы – женщины. Кого пошлешь? Получается: ты – самая подходящая кандидатура. Только что на оперативке у главного инженера всё по часам просчитали. Самое главное – привезти четыреста килограммов этого самого галлия. А быстро сделать сплав с двумя другими компонентами не проблема. Раз нас подвели поставщики, придётся гнать машину за полторы тысячи километров в Павлодар через степь. Если двое суток гнать туда, двое суток оттуда и день прикинуть на отдых, то должны успеть прокрутиться: проплавить, сдать в ОТК и отгрузить этим годом готовый товар. Заказчик серьёзный – космос!

Он опять вздохнул, а Иван махнул рукой, словно отгоняя подступившие сомнения, заинтересовавшись:

– Когда надо, Петрович?

– К двадцать седьмому.

Иван присвистнул. Ему почудилось: само время удивилось такому раскладу, обиженно застучав по круглому циферблату старинных часов в кабинете, а Леонид Петрович, словно оправдываясь, добавил:

– К вечеру.

И не дожидаясь встречных вопросов, уточнил:

– Машину к дальнему рейсу уже готовят. «Иж-фургон». Водителя подобрали молодого, но опытного. На рассвете в путь. Документы готовы, в бухгалтерии и в транспортном цехе тебя уже ждут.

...Пятое колесо догорало, умирать не хотелось.

Пятое потому, что запасное. Дело в том, что тряпки, пропитанные бензином, а за ними и четыре покрышки от «Ижа» давно сгорели, частицами вонючей сажи осаждаясь на лицах двух мужчин, однако поддержали огонь и продлили жизнь на некоторое время. Ведь холод беспощадно отбирал тепло, а ветер выдувал его в безбрежный степной океан, пронизывая тела насквозь подобно рентгеновским лучам.

– Читал где-то, – перекиривая свист метели, признался Иван, – замерзать - не страшно. Как будто уснёшь.

– Как будто уснёшь ... я тоже слышал про это, но может ... – отозвался Василий.

Он закашлялся от едкого дыма, оглядел тёмную степь, как будто надеялся увидеть спасительный огонёк автомашины, как чудо, и грустно выдохнул ...

– Найдут?

– Может, и найдут, – таким же эхом отозвался Иван, – жаль, у этой машины только четыре колеса и одна запаска. Эх, Васька ...

Он заглянул в глаза попутчика, словно надеясь прочитать в них ответ на главный сейчас вопрос – жизни и смерти, и скорее подсознанием уловил: Василий думает о том же. Но в который раз не решается озвучить грызущую сердце думу: в трёхстах километрах от ближайшего посёлка в буран никто их искать не будет.

– Эх, Васёк, – продолжил Иван, – всегда надо надеяться. Даже, когда надеяться не на что.

Он похлопал Василия по закопчённой дублёнке, потопал одеревеневшими ногами и пошевелил монтировкой в горящем колесе, а тот улыбнулся и сказал:

– Скоро и пятое ... догорит.

– Не скоро, – не столько себе, сколько попутчику соврал Иван.

– Врешь, Ванька, – беззлобно рассмеялся Василий, – на две трети нет его уже. Прогорит!

– Ну и прогорит, – махнул рукой Иван, – чего теперь! Давай лучше напоследок про самое хорошее в жизни вспомним! Самое яркое, да?

Он задумался.

– Про Веру? – спросил Вася.

– Про Веру! – отозвался Иван. Вот мы тут одни в степи, и с каждым она. Красивая!

– Очень! – подтвердил Вася, – ты прости меня.

– Ладно! – вздохнул Иван, – и ты меня прости.

– За что?

– Ну ... что врезал ... не сдержался. Вон какой у тебя, Вась, фингал под глазом! Если бы я стерпел – не дал бы в морду – не перевернулись бы и не разбили машину. Подъезжали бы уже к Павлодару за галлием этим.

– А правильно врезал! Как же тут стерпеть? Если бы я был женат, да узнал бы про свою жену такое, не знаю, что сделал бы. Хорошо мы ... поговорили по душам.

– Ты её ... сильно любишь?

– Сильно ...

– И я сильно. Как сказал Серёга Есенин ... точно не помню, кажется так: «Только мне не страшно, и в моей судьбе/ непутёвым сердцем я прибит к тебе». Прибит я к ней сердцем, Васька!

– Так ведь получается: и я прибит. Вместе, выходит, мы прибиты! Да так, что не оторвать. Мы в степи одни. Кому тут врать-то? Вышло: оказались в одной лодке муж и любовник. А может, не случайно так сложилось, а?

Голос Василия предательски дрогнул. Он покосился на покорёженный остов машины. Потом уставился в уменьшившийся огонь от горячей крышки, а Иван достал портмоне. Развернул, показал фотографию.

– В прошлом году? – заключил Василий.

– Точно! – подтвердил Иван, – знаешь, Вась, о чём подумал? Сам я во всём виноват. Такая женщина! Всё при ней! Хороша – не то слово! Чудо дивное! А я кто и что? Достоин ли всегда такой красавицы? Ведь любил, сильно любил, а не уберёг. Сколько раз она просила меня сводить куда-нибудь, сколько раз я отнекивался – то срочная работа, то хоккей по телевизору. Откладывал и в итоге получил такой результат! А, знаешь, как до свадьбы ухаживал? Какие цветы дарил? А потом ...

– Цветы она страшно любит, – перебил Василий, – а когда удивляется, у неё глаза ещё больше становятся. И не поймёшь, больше в них голубого цвета или серого. И бездонные такие!

– Как у русалки.

– Ну да!

... Пятое колесо прогорело. Огонёк мигнул раз, другой и погас. Совсем. Стало темно. Умирать не хотелось.

– Вот и все – совершенно спокойно и нисколько не мрачно заключил Иван.

– Давай обнимемся что ли, – предложил Василий, – так теплее и громко кричать не надо, вон как буран разошёлся-то. Ты расскажи что-нибудь, не молчи.

Обнялись.

– Помню еще до свадьбы ... как-то разговорились с Веруней про Москву... – на ухо стал рассказывать Василию Иван, – меня часто в командировки туда посылали. Я ей про Кремль, про зоопарк, а Вера, оказывается, ни в Москве, ни в Питере вовсе не была, и на метро ни разу не каталась. Вроде бы, какая невидаль, а ей хочется. Робко так спрашивает: может, в свадебное путешествие поедем в столицу? Сходим в театр, в Третьяковку. И на метро ты меня прокатишь. А я ей: Вера! Свадьба через месяц, ждать долго! Будет тебе и Третьяковка, и Русский музей, и то, что осталось от ВДНХ. Но хочешь, через три часа на метро будешь кататься?

– А она?

– Удивилась. Как это, говорит?

– А ты? На самолёте – в Москву?

– Зачем? На машине – и в Екатеринбург, там давно метро.

– Здорово! А она не знала?
– Представь, нет! Только, когда из Горнозаводска свернул на Верхний Уфалей и полетел на север, конечно, сообразила.
– Двести пятьдесят километров!
– Да ерунда, Вась, для бешеной собаки и триста километров – не крюк. Зато как она радовалась! Смеялась, как ребёнок. Мы катались на метро до закрытия. Ночью поехали назад. Я ехал, как хмельной. Любовь ведь то же вино. Представляешь, тормозит меня на выезде гаишник. Лейтенант такой-то, предъявите документы. А сам принохивается.

Иван встряхнул притихнувшего Василия:

– Васька! Ты слышишь? Нет? Уснул? А я всё равно расскажу тебе до конца эту историю. Не употребляли ли, интересуется гаишник, спиртные напитки?

Василий стал оседать на снег, и Иван перехватил его чуть ниже, приподнял, взглянул на сомкнутые веки попутчика, зашептал:

– Не употреблял, говорю, лейтенант, ни грамма, а пьяный. Вы посмотрите на девушку в машине! Это она во всём виновата! Потому что нельзя быть красивой такой! Улыбнулся он, козырнул. Счастливого, мол, вам пути! А была пора сенокоса. Едем по полям, такой дух стоит, что через приоткрытое окошко волшебные ароматы с ног валят. На дороге никого! Остановил я машину возле ближайшего стога, на руках отнёс к нему Веру. И... такое чудо там произошло – словами не передать! Что-то меня тоже в сон клонит. Давай вместе, Вась, уснём

...

Иван повалился набок, увлекая в снег отяжелевшего попутчика, но продолжал говорить:

– Мне кажется, буран успокоился. Кажется, не заснеженная это степь, а то самое свежескошенное поле с лютиками, вьюнками и ромашками, по которому мы всю ночь до утра бежали. От стога до стога, хохотали, как сумасшедшие. Как сумасшедшие ...

Иван облизал потрескавшиеся губы, бережно положил остывшего уже Василия на снег, испачканный хлопьями чёрной сажи, лёг рядом и промолвил:

– Сколько раз, Вера, я засыпал и просыпался с твоим именем! Может, не случайно мне сейчас кажется: ты меня слышишь?

Буран подхватил последнюю фразу замерзающего Ивана, закрутил-завертел, унёс в темноту, а там подумал над ней, удивился и закинул через пелену к звёздам. Пусть кто-нибудь услышит!

